

Чэнь Цзяюй сказал:

— Десять тысяч метров — это очень круто.

Фан Хао ответил:

— Десять тысяч метров — это совсем немного, я не то чтобы сильно в этом силен.

Чэнь Цзяюй спросил его:

— А на какие дистанции ты бегаешь? Марафоны?

Фан Хао кивнул:

— Угу, бегаю. Марафоны, а еще ультрамарафоны — это когда от пятидесяти до ста километров. Но я уже два года не участвовал в соревнованиях. Для соревнований нужна подготовка, а подготовка требует беговых объемов, так что нужно время. Чего мне сейчас действительно не хватает, так это времени.

Чэнь Цзяюй с пониманием отнесся к этому:

— В Дасинской башне, наверное, не хватает рук, в конце концов, это новый аэропорт.

Фан Хао посмотрел на него, кивнул, немного посомневался и заговорил снова:

— На передовой диспетчерской работе вечно не хватает людей, сейчас один человек пашет за двоих. Иногда спозаранку, по вечерам или когда погода плохая, и мы начинаем регулировать поток, до тебя просто физически не дозовешься.

На этот раз он говорил очень тихим голосом, совсем не так, как во время работы. Сидел он тоже близко к Чэнь Цзяюю, а если прибавить едва уловимый аромат автомобильной ароматизации, то получалось, что, хотя они виделись всего во второй раз, причем первая встреча прошла в атмосфере полного накала страстей, теперь между ними вовсе чувствовалось какое-то привычное дружеское тепло.

Такая искренность, с которой Фан Хао выложил всё как на духу, напротив, заставила Чэнь Цзяюю почувствовать угрызения совести. Как он ни крутил в голове, ему казалось, что в пятницу он действительно повел себя эгоистично: должно быть, в те минуты, когда тот больше часа управлял полетом борта KLM, сердце у него подступало к самому горлу, и откуда у него вообще могло взяться время препираться с ним из-за стоянки.

Фан Хао изначально собирался еще немного поболтать с ним о той случайной встрече у кофейни. Вспоминая об этом, он понимал, что тон у него тогда был довольно резкий — любого командира корабля задело бы такое пикирование, а уж тем временем баловавшего себя особой заботой Чэнь Цзяюя и подавно. Однако прошло уже десять минут поездки, а Чэнь Цзяюй не произнес об этом ни слова, и Фан Хао подумал: судя по всему, эта история для него уже давно перевернутая страница.

Чэнь Цзяюй заехал в жилой комплекс и настоял на том, чтобы высадить Фан Хао прямо у подъезда. Дождавшись, пока тот войдет внутрь и дверь медленно закроется, он сдал назад и выехал. Весь путь обратно в Лицзин Чэнь Цзяюй только и думал о том, что сказал ему Фан Хао.

Глава 11. 17Л

В течение следующей недели Чэнь Цзяюй пару-тройку раз пересекался с Фан Хао на частоте, и оба раза всё проходило тихо и мирно. Видимо, они не попадали в часы пик: тот летел строго по процедуре, а все запросы Фан Хао неизменно одобрял.

Исключением стал лишь вечер пятницы, когда некстати зарядил дождь. Гражданская авиация — это отрасль, целиком зависящая от погоды: пилотам приходится нелегко, а диспетчерам и того пуще, ведь стоит случиться хоть малейшей непогоде, как объем их работы мгновенно удваивается.

Впрочем, и такие трудности не могли поставить Фан Хао в тупик: он по-прежнему вел проводку уверенно и легко, уделяя максимум внимания самым разным рейсам, своевременно напоминая о погоде и остатке топлива — короче говоря, его слово было законом для всех.

Фан Хао поставил Чэнь Цзяюя и его коллег в очередь сразу за самолетом, шедшим впереди:

— Air China 1560, Пекин-Подход, на радарной отметке. Держите высоту 4500, скорость 350. Ожидайте... заход по приборам, полоса 17 правая.

Чэнь Цзяюй взял в руки микрофон радиостанции:

— Эй, добрый вечер, Пекин, разрешите запросить полосу 17 левую, возможно? Полоса 17 левая, Air China 1560.

Полоса 17 левая и 17 правая, несмотря на кажущуюся разницу всего в один знак, на деле представляли собой две параллельные полосы, работающие в северном направлении, но расстояние между ними было огромным. Приземлился он на 17 правую, рулить до места стоянки пришлось бы целых двадцать пять минут. Последние три раза подряд он садился именно на 17 правую, поэтому и решил попытать счастья с запросом. Впрочем, еще в процессе разговора он уже мысленно приготовился к отказу: пусть самолетов в небе сейчас немного, но погода дрянь, и полет по стандартной схеме — это самое простое решение как для диспетчеров подхода, так и для башни.

Фан Хао бросил взгляд на монитор:

— Air China 1560... ждите.

Чэнь Цзяюй подумал про себя: неужели выгорит?

Через некоторое время Фан Хао вышел на связь с бортом, шедшим впереди:

— China Southern 3788, как обстановка на земле?

Командир China Southern ответил:

— На полосе есть небольшие лужи, но в целом состояние нормальное. Садиться можно.

Фан Хао снова переключился обратно:

— Air China 1560, на 17 левой лужи и небольшой боковой ветер, направление 260, скорость 7 метров в секунду, как смотрите на это?

Чэнь Цзяюй сегодня управлял огромным Боингом-747, который в условиях непогоды или сильной турбулентности отлично проявляет свое преимущество в весе. Услышав параметры, он убедился, что всё в пределах нормы, и поспешил подтвердить:

— Принимаем подтверждение, Air China 1560.

Чэнь Цзяюй совершил посадку на ближайшую полосу без всякой очереди и пребывал в прекрасном настроении. Когда он услышал слова Фан Хао: «Прекращаю радиолокационное обслуживание», — с переводом на связь с башней, он не удержался и отпустил шуточку:

— Принято, Air China 1560. Спасибо генеральному директору Фаню за руководство.

Фан Хао взял микрофон:

— Air China 1560...

Он, казалось, и сам не знал, что ответить, поэтому выдал:

— Если делать нечего, не занимайте радиочастоту.

Сказано это было вроде бы сурово, но в последовавших нотках голоса явственно сквозила улыбка.

Чэнь Цзяюй легко подыграл:

— Никак нет, просто выражаю благодарность за вашу работу, Air China 1560.

Фан Хао нажал кнопку, собираясь что-то сказать, но так и не произнес ни слова и молча отпустил клавишу.

Остальные командиры экипажей, всё еще висевшие на частоте, наверняка вовсю ухмылялись в этот момент. В эфире частенько кто-нибудь отпускал шуточки, особенно когда попадался диспетчер с приятным женским голосом, и тогда все дружно поддерживали подначки. Однако чтобы кто-то рискнул острить с самим Фан Хао, когда тот держал микрофон — Чэнь Цзяюй определенно был первым.

В конце концов Фан Хао оставалось только ответить:

— Не за что, это моя работа.

Боинг 747-400 авиакомпании Air China мягко опустился на влажную полосу, затем затормозил и неторопливо покатил к съезду.

Покинув частоту подхода и увидев, что Чэнь Цзяюй и его экипаж сели на 17 левую, несколько следующих самолетов тоже подряд затребовали посадку на 17 левую. Но поскольку борт Air China еще не освободил полосу, да и позади него уже выстроилась очередь, Фан Хао их запросы отклонил, перенаправив на первоначально назначенную полосу.

Фан Хао даже не подозревал, что этажом выше Чу Ижоу уже вызывала Чэнь Цзяюя и остальных на частоте диспетчерской вышки:

— Air China 1560, вы что... катитесь так медленно? Давайте-ка поживее.

Чэнь Цзяюй ответил:

— Вышка, на земле лужи, стараемся как можем.

Кто-то из пилотов, судя по голосу, из China Eastern Airlines, публично отпустил едкий комментарий:

— Китайские королевские авиалинии, что с них взять.

Это была старая шутка: Air China являлась единственным в стране национальным перевозчиком, получавшим львиную долю лучших маршрутов, так что пилоты неизбежно подтрунивали над этим.

Летчик из China Southern вставил свое слово:

— Брату Цзя положено такое отношение.

Фан Хао неожиданно для всех вклинился в разговор:

— Садиться попутным ветром на залитую водой полосу — это вы называете хорошим отношением? — А затем уже серьезным тоном произнес: — Eastern 570, у вас же вроде топливо на исходе? На 17 левой сейчас порывистый ветер, если не сядете, придется уходить на второй круг, проверьте остаток горючего.

Командир Eastern поспешно отозвался:

— Нет-нет. Пекин, подтверждаю заход на полосу 04, Eastern 570.

Фан Хао подтвердил:

— Верно, Eastern 570.

Он не придавал этому особого значения: пока процедуры соблюдаются безупречно, его мало волновали шпильки со стороны пилотов. Просто... получалось, что все это время о привилегиях Чэнь Цзяюя беспокоился исключительно он сам?

После окончания смены Фан Хао достал телефон и обнаружил три новых сообщения в WeChat.

Одно было от Чу Ижоу, которая звала его после работы поехать чуаньчуаньсян рядом с аэропортом. Они оба были в одной смене, так что и сменялись, естественно, одновременно. Фан Хао как раз проголодался и ответил ей «ок».

Второе сообщение пришло от Гу Чуня: тот обсуждал планы поужинать вместе в субботу вечером и прислал подряд три названия ресторанов на выбор. У Фан Хао от этого слегка заболела голова: вообще-то он не был против того, чтобы за него всё решали — если кто-то готов проявить инициативу, он только рад сберечь собственные мыслительные ресурсы. Но ведь они виделись всего один раз, и на предложение поужинать он согласился вовсе не для того, чтобы ходить на свидания. Ему показалось, что Гу Чунь что-то не то себе надумал.

Чуть выше, самым последним, значилось сообщение от Чэнь Цзяюя, и к нему была прикреплена картинка.

Фан Хао не удержался, открыл. Текст гласил: «Спасибо за сегодня».

Ниже шла фотография: вскоре после посадки рейса Air China дождь прекратился, небо прояснилось, и вечерняя заря придала аэропорту Дасин какую-то неземную, оторванную от суеты красоту. Снимок был сделан прямо из кабины пилотов и отличался особым настроением, а за стеклом открывался вид на перрон и уходящую вдаль полосу.

Словно этого было мало, снизу шело еще одно добавление:

— Виды с 17 левой и правда потрясающие.

Только тут Фан Хао раскусил его маневр и быстро ответил:

— Сзади тебя тут всю обзывали Китайскими королевскими авиалиниями.

Чэнь Цзяюй: «Кто это?»

Фан Хао: «Без позывного, не помню».

Конечно же, он прекрасно помнил, что это был командир Eastern 570, а заявление «не помню» было просто способом отвязаться от Чэнь Цзяюя — ему вовсе не улыбалось затевать какие-то разбирательства.

Чэнь Цзяюй: «В следующий раз дай мне снова 17 левую, с меня кофе».

Фан Хао мысленно хмыкнул: ну конечно, он именно к этому и клонил! Неужели Чэнь Цзяюй не может жить спокойно, если не пользуется особым отношением? Но на этот раз злости на собеседника почему-то не было, он лишь отделался дежурной отговоркой:

— А что насчет сегодняшней порции?

Чэнь Цзяюй проявил завидную активность:

— Ты уже освободился? Угощаю прямо сейчас.

Пять минут спустя Фан Хао уже подходил к кофейне Koza и помахал ему рукой:

— Брат Цзя.

Чэнь Цзяюй уже делал заказ. Выполняя свое обещание, он спросил:

— Что будешь? Колд-брю?

С этими словами он достал клубную карту Koza. Это была ближайшая к их аэропорту кофейня, и, судя по многомесячному опыту стюардесс, пилотов и диспетчеров, кофе здесь варили лучше всего.

— Откуда ты знаешь, что я пью колд-брю? — удивился Фан Хао, поразившись такой точности. Впрочем, его смена подошла к концу, так что в допинге в виде кофеина он уже не нуждался. Он постоял перед меню, долго выбирая, и в итоге остановился на фиолетовом матча-латте без кофеина, а сделав выбор, пошутил:

— Выберу-ка самое дорогое, разорю тебя.

Разница, конечно, составляла всего между двадцатью и двадцатью пятью юанями, но он прекрасно знал, что Чэнь Цзяюй в средствах не стеснен, поэтому держался вполне уверенно.

<http://bllate.org/book/27721/3365136>